

ВСТРЕЧИ с Василием Сталиным

А.И. ПОДОЛЬСКИЙ

А.И. Подольский

В О ВРЕМЯ войны в Заволжье, в районе города Куйбышева (теперь Самара), было одно место, которое притягивало внимание многих. Но оно было закрыто от любопытных глаз. Знали о нём только те, кому положено.

Безымянка — так назывался авиационно-промышленный узел, выпускавший самолет Ил-2 в полной комплектации. Естественно, что особый интерес к Безымянке проявлял Верховный Главнокомандующий, Председатель Государственного Комитета Обороны Иосиф Виссарионович Сталин. По его приказу в Куйбышев был откомандирован в качестве особо уполномоченного ВВС Красной армии генерал-лейтенант Селезнёв Николай Павлович.

Сюда же в декабре 1941 года прибыл в роли Главного инспектора ВВС КА майор Василий Сталин, вскоре ставший полковником.

Василий Сталин поселился в доме, стоявшем рядом с Дворцом культуры имени Дзержинского, недалеко от здания НКВД. Здесь были очень большие окна, огромный холл и большая гостиная, которая одновременно служила столовой. Этот дом был специально предназначен для И.В. Сталина и его семьи, если тот решит уехать из Москвы.

Одна из комнат «дома Сталина» была отведена под рабочий кабинет Василия. В ней стоял письменный стол и придвинутый к нему маленький столик, несколько стульев и два мягких кресла. На рабочем столе — чернильный прибор и пресс-папье из какого-то уральского камня. В углу на этажерке расставлены вина и вода «Боржом».

Имея огромные полномочия да к тому же и имя, полковник В. Сталин, которому тогда было всего лишь 23 года, вёл себя решительно, самоуверенно и независимо. Занимался он делами военного ведомства и авиапромышленности. Василий был неплохим лётчиком-истребителем. В этом я однажды убедился лично.

Как-то летом 1941 года на аэродроме под Орлом почти в су-

мерках, без ночного старта, произвёл посадку истребитель. В это время я находился на старте и видел его посадку. Поскольку самолёт появился неожиданно, приготовили средства для захвата лётчика, если он окажется вражеским пилотом.

Посадка была выполнена на «отлично», по всем правилам лётного искусства. В авиации считается, что посадка является самым трудным элементом полёта, поэтому служит главным критерием оценки качества лётчика.

Ко мне подошёл старший лейтенант, рыжий, небольшого роста, и без представления, в тоне, не терпящем возражений, потребовал, чтобы самолёт его был немедленно заправлен. Выяснив, кто он такой (это был Василий Сталин), я дал команду заправить его самолёт. Бросив небрежно «до свидания», он сел в кабину и улетел, хотя сумерки всё более сгущались. Это была моя первая встреча с Василием Сталиным. Куда он улетел, я не знал, но понял, что к нам прилетал уверенный в себе лётчик. Как известно, самолёт не признаёт ни рангов, ни званий, ни имён, ни заслуг — он признаёт только лётчика. Лётчиком Василий Сталин был настоящим.

КАК известно, самолёт не признаёт ни рангов, ни званий, ни имён, ни заслуг — он признаёт только лётчика. Лётчиком Василий Сталин был настоящим

И вот спустя время мы снова встретились, но уже в Куйбышеве. Здесь Сталин проявил особый интерес к 1-й запасной штурмовой авиабригаде. Он часто вызывал к себе её командира генерал-майора авиации Н.Ф. Папивина, который докладывал ему о ходе дел в бригаде. Почти всегда Н.Ф. Папавин возвращался расстроенным и возмущённым грубым обращением с ним полковника Сталина. И когда следовал очередной вызов, Папивина трясло. В. Сталин вызывал к себе и других, и со всеми вёл себя так же дерзко. Под стать ему держались и его подчинённые.

Однажды произошёл такой

случай. На один аэродром, где проходили полёты, приехали два или три инспектора из Инспекции ВВС КА. Все они были в звании майоров. Подражая В. Сталину, вели себя крайне вызывающе. Бестактно и без какой-либо необходимости вмешивались в руководство полётами, вносили сумятицу в это ответственное дело. Они подменяли руководителя полётами, чем грубо нарушали «Наставление по производству полётов», в котором сказано, что никто не имеет права так поступать, то есть отдавать распоряжения через голову руководителя

полётами. Словом, вели себя развязно, уверенные в своей безнаказанности.

Такое поведение, естественно, нельзя было терпеть, и я в строгой форме потребовал, чтобы эти «помощники» не мешали руководить полётами. На моё требование они ответили дерзостью. О развязном поведении инспекторов из инспекции Васи Сталина, как тогда говорили, я уже был наслышан, а теперь и увидел, как они себя ведут, поэтому решительно приказал им немедленно покинуть аэродром, вгорячах обозвав их «опричниками».

Инспекторы удалились, пригрозив:

— Ты ещё узнаешь нас!

Так завязался довольно серьёзный конфликт с инспекцией, а точнее — с полковником Сталиным, начальником этой инспекции, перед большими полномочиями и громким именем которого склоняли головы фигуры покрупнее, чем я, стрелочник.

Ждать долго не пришлось. Последовал вызов к полковнику Сталину. Ну, думаю, началось...

Я в рабочей комнате В. Сталина. Смотрю на него: лицо помальчишески худощавое, пожелтевшее (он много работал), но злое. На столе ничего, кроме письменного прибора и пресс-папье.

— Товарищ полковник, — приложив руку к головному убору, начал было представляться я,

в беседе с начальством. Пил я воду или не пил, не помню. В кабинете стало тихо.

Я уехал в штаб, расстроенный до критической линии. По дороге постепенно остывал, обдумывая: правомерно я поступил или нет? Я осуждал и в то же время оправдывал свои действия. С точки зрения устава мои действия были, безусловно, неправомерными и подлежали строгому наказанию, к чему я готовился. С точки же зрения человеческих взаимоотношений я считал свои действия правомерными. Это были контрмеры, обратная реакция, вызванная вторым лицом, его неправомерным поведением по отношению к другим. То есть надо было клин клином вышибать, что я и сделал. Но что

— Ты кем являешься в бригаде?

— Заместителем командира по лётной подготовке.

— Значит, ты заместитель Папивина? — уточнил Василий, хотя и знал, кто я.

Я подтвердил.

— Вот ты мне и нужен, — разговор ведёт мирно, спокойно. Об инциденте ни слова. — Я хочу знать, как построена система обучения в вашей бригаде. То, что дела у вас идут... кхм... — выдержав паузу и откашлявшись, добавил: — Мне известно. Вот потому и хочу знать о системе подготовки кадров.

— Я бы не сказал, что дела у нас идут плохо, — решительно возразил я. — Смотрите, сколько штурмовых полков, подготовленных в бригаде, успешно громят фашистов, — и начал перечислять номера полков.

Полковник прервал меня:

— Ладно, ладно, знаю... Докладывай о системе.

— Система подготовки лётчиков на самолёте Ил-2, — начал я, — организована в два этапа. Первый этап — в запасных авиаполках (ЗАП), второй — при управлении авиабригады. В ЗАПах формируются или доукомплектовываются штурмовые авиаполки. Это оформляется приказом по бригаде. Затем штурмовые полки приступают к изучению первого раздела программы: подготовке лётчиков в запасных полках, который состоит из двух подразделов. Вначале проходит наземная подготовка: изучаются дисциплины, связанные непосредственно с практикой полётов и боевого применения. Всё это закрепляется практически на экспонатах и тренажёрах, созданных бригадными умельцами при содействии заводов. Это первый подраздел программы подготовки лётчиков на самолёте Ил-2.

Я говорил, а В. Сталин слушал, как мне казалось, с интересом.

— Программа рассчитана на определённое количество часов, намечены упражнения и конкретные темы, — продолжал я. — Занятия проводят преподаватели, которые имеются в штате ЗАПов, а также полковые специалисты. Для проведения занятий по тактике штурмовой авиации помимо своих специалистов широко привлекаем командиров и начальников штабов штурмовых полков, имеющих боевой опыт.

Полковник Сталин снова прервал меня:

— Откуда же у них опыт, если они у вас формируются?

Я НЕОЖИДАННО для самого себя взорвался и, схватив с письменного стола каменный промокательный прибор, со всего размаху ударил об пол. Пресс-папье рикошетом угодило в этажерку с винами, пошёл перезвон разбитых бутылок, запахло вином. В. Сталин на мгновение оцепенел

как положено по уставу, но он грубо прервал меня грозным окриком:

— Кто опричники? Это инспектора мои, которые трудятся не покладая рук, помогая вам, бездельникам, в работе, — опричники?

Отступить было некуда, да и нельзя, как я понимал. И я повторил ему то, что сказал на аэродроме его инспекторам, и пояснил, почему выгнал их с аэродрома. Василий снова закричал:

— Кто тебе дал право выгонять моих инспекторов с аэродрома, называть их опричниками?

Конечно, в выражениях В. Сталин не стеснялся. Видно было, что мальчик, поощряемый угодничеством перед ним, зарвался.

Возмущённый словом «бездельники» и всем его хамским обращением с людьми, я неожиданно для самого себя взорвался и, схватив с письменного стола каменный промокательный прибор, со всего размаху ударил об пол. Пресс-папье рикошетом угодило в этажерку с винами, пошёл перезвон разбитых бутылок, запахло вином. Сталин на мгновение оцепенел, потом почему-то захохотал и начал меня успокаивать, предлагая выпить холодной воды.

Вид у меня, вероятно, был свирепый, я был взбешён, потому и потерял самоконтроль, допустив недозволенный приём

за этим последует? Этот вопрос меня беспокоил, и признаться честно, очень.

Прибыв в штаб, я прошёл в кабинет Папивина. Там были полковник Сушин и подполковник Журавлёв. Горячась и вновь возмущаясь произошедшим, я всё рассказал своим товарищам. В их глазах прочитал удивление и осуждение.

Генерал не одобрил моё поведение и намекнул на военный трибунал. Я в ответ пробурчал:

— Трибунал, так трибунал, но нельзя же допускать, чтобы этот мальчишка так обращался с людьми.

Полковник Сушин порекомендовал съездить к Василию Сталину и извиниться. Я отказался:

— Вот поэтому он и зарвался, что ему все его выходки сходят с рук. Перед ним угодничают, а он этим пользуется.

Вскоре снова последовал вызов к полковнику Сталину. Я гадал, что предвещает мне этот вызов. А удастся ли мне избежать военного трибунала? Эта мысль занимала меня в пути к Сталину.

Но мои опасения и беспокойства оказались напрасными. В. Сталин, к моему удивлению, принял меня дружелюбно и даже предложил сесть. Он смотрел на меня, я на него, стремясь угадать, о чём пойдёт разговор и как. Наконец полковник спросил:

— В бригаде уже имеется несколько полков, которые участвовали в боях на различных фронтах, в частности при разгроме фашистов под Москвой. Они повторно прибыли в бригаду.

— Так зачем же такие полки обучать? Получили самолёты — и на фронт! — недоумевал полковник.

— Полки возвращаются без лётного состава, только штаб, техники да 3—5 лётчиков руководящего состава. Поэтому я Вам сказал, что полки доукомплектовываются молодым лётным составом из резерва, а он должен проходить всю программу, — пояснил я.

— Ладно, продолжай...

— Второй подраздел — практические полёты. К ним допускаются лишь те, кто сдал зачёты по программе наземной подготовки не ниже чем на «хорошо». Индивидуальной технике пилотирования (провозные полёты на УТ-2, самостоятельные вылеты на Ил-2) лётчиков обучают опытные инструкторы.

ПОКА В. Сталин размышлял, я смотрел на него и думал: а ведь он, хоть и молод, может вести серьёзное дело. Он неглуп, быстро вникает в суть вопроса и даже... умеет быть сдержанным

— Пстой, пстой, — воскликнул полковник, — при чём же здесь УТ-2? Он же резко отличается от Ил-2. Правда, я на вашем «горбатом» не летал, но на УТ-2 летал много.

Этот вопрос В. Сталина пришёлся к стати. Я напомнил ему о письме руководства бригады, в котором мы просили воздействовать на начальника Особстроя товарища Лепилова, чтобы он ускорил ввод в строй ангаров для сборки учебно-боевых самолётов УИл-2 и изготовление 20 таких самолётов к 15 марта.

— Срок прошёл, а машин нет, — заметил я, — УТ-2 мы применяем потому, что нужда заставляет. Эти самолёты дают возможность инструктору оценить лётные качества обучаемого, его психологическую стойкость. Как видишь, — я тоже перешёл на «ты», — учебно-боевые Илы нам нужны дозарезу, о чём мы просили тебя.

— Да, действительно, этот вопрос срочный и сложный. Я займусь им.

— Лётчики самостоятельно отрабатывают индивидуальную технику пилотирования, — про-

должал я, — сначала по кругу и в зоне, затем проходят групповую слётанность. Ведущим в этом случае является инструктор. Такие полёты тщательно готовятся на земле, — и я начал было рассказывать, как именно, но полковник сказал, что это ему хорошо известно:

— Сам «летал» на земле. У нас в школе это называлось «пеший по-лётному», — оживился Сталин, вспомнив, как он проходил такую программу в лётной школе. — А у вас? Так же?

— И у нас так. Потом, после прохождения индивидуальной подготовки в воздухе и групповой слётанности, идёт обучение воздушной стрельбе по наземным целям и бомбометанию, штурманские полёты. И всё, на этом заканчивается подготовка полка в запасном авиаполку. Маршевый полк выходит из подчинения командира запасного авиаполка. Получив самолёты на заводе или из резерва бригады, он перебазирован на отдельный аэродром и продолжает подготовку при управлении бригады.

— Значит, прекращается связь с запасным полком?

— Нет, инструкторы, которые обучали данный полк, по мере необходимости прилетают и оказывают помощь его руководству в проведении дальнейшего обучения. Лётчики, каждый на своём самолёте, совершенствуют технику пилотирования, отрабатывают групповую слётанность, приёмы бомбометания, стрельбы по наземным целям. По окончании второго подраздела программы полк улетает на фронт согласно указанию Штаба ВВС Красной армии.

— И что же даёт вам такая система? — допытывался В. Сталин. Видимо, он хотел более глубоко изучить характер работы бригады.

— Что даёт? — переспросил я. — Во-первых, она позволяет вдвое увеличить количество лётного состава на самолётах Ил-2, а это главное, это то, что от нас требуется в настоящее, трудное время. Во-вторых, позволяет отправлять на фронт вполне сколоченные полки, то есть боевые единицы. При прохождении второго раздела основная роль в ор-

ганизации и проведении полётов принадлежит командиру данного полка. Ему предоставляется возможность изучить ещё на тыловом аэродроме полк, который он поведёт в бой.

— Но у меня есть данные, — полковник хитровато улыбнулся, — «опричники» донесли, что подготовка полков не на должном уровне, что она оставляет желать много лучшего.

— В данном случае твои инспекторы (я обошёл слово «опричники», опасаясь нарушить исключительно деловой ход разговора) правы. Мы и сами недовольны, но пока ничего сделать не можем: очень мал налёт на лётчика, так как мало дают горячего.

— Сколько же нужно налетать лётчику, чтобы он был подготовлен до уровня требований боя? — поинтересовался Сталин.

— Не менее 20 часов.

— Это каждому лётчику? Сколько времени ты отвёл бы мне для освоения вашего «горбатого»?

— Часов 15, — сказал я. — Не больше, чем потребуется лётчику с большим налётом на старых боевых самолётах. Они ещё прибывают к нам в бригаду. Но будут поступать лётчики из аэро клубов. Вот им нужно не менее 20 часов.

— Да, ты прав. Вы ставили этот вопрос перед кем-нибудь?

— Конечно. Я докладывал об этом начальнику Управления боевой подготовки ВВС Красной армии полковнику Волкову и заместителю командующего ВВС генералу Никитину.

— Результат?

— Пока никакого. Отвечают: нет горячего. Хорошо было бы, если бы ты помог нам в этом деле. Ведь отличная подготовка лётчика в запасном полку при правильном вводе его в бой — это уже 90 процентов успеха.

Разговор продолжался. Вопросы, которые мы обсуждали, интересовали в равной мере обоих.

— Так какой же налёт вы даёте лётчику теперь? — спросил полковник.

Я ответил:

— От 5 до 7 часов. За этот мизерный налёт каждый лётчик должен отработать по 3 воздушных стрельбы по наземным целям, по 3 бомбометания и по 3—5 маршрутных полётов.

— Маловат налёт, — вздохнул В. Сталин, — много не набомбишь и не налетаешь. Старые лётчики ещё туда-сюда, а для молодых это совсем не годит-

ся, — как опытный лётчик, сделал он заключение и записал названные мною цифры в блокнот. Во время беседы полковник иногда делал записи.

Пока В. Сталин размышлял, я смотрел на него и думал: а ведь он, хоть и молод, может вести серьёзное дело. Он неглуп, быстро вникает в суть вопроса и даже... умеет быть сдержанным.

Пользуясь случаем, я попросил Сталина посодействовать

очень хотелось есть. Но я постеснялся протянуть руку к корзиночке, а она, словно магнит, притягивала к себе: в ней лежали бутерброды с колбасой, ветчиной и даже с чёрной икрой.

Наконец раздался возглас хозяйина:

— Давай!

Свет погас, началась какая-то американская картина из ковбойской жизни, на английском языке, без перевода.

НАДО отдать должное, полковник Сталин не только выслушивал наши доклады и жалобы, но и активно помогал решать отдельные сложные вопросы

вести в штат бригады ещё одного заместителя комбрига (по лётной подготовке) и двух помощников главного инженера: одного — по руководству технической учёбой, второго — по ремонту матчасти.

Выслушав мои аргументы, Сталин обещал помочь. Затем порывисто встал и бросил мне:

— Идём ужинать, вон уже ночь наступила.

Впервые я оказался в столовой сталинского дома. Впоследствии у меня были ещё встречи с Василием Сталиным в его домашней столовой.

Однажды ночью ко мне приехал адъютант В. Сталина и передал приглашение прибыть к полковнику. Я не знал, зачем понадобился в столь позднее время, да и ехать мне не хотелось. Но раз приглашает начальник, ехать надо: его приглашение равносильно приказу.

На своей «эмке» я ехал за машиной адъютанта. Остановились у парадного подъезда, а не за углом дома, у входа в рабочий кабинет Василия.

В холле меня встретил пожилой грузин. Как только я снял свою выдавшую виды кожанку, он взял её у меня. В это время на втором этаже, где располагалась столовая, появился Сталин, крикнул мне сверху: «Здорово» и исчез. Пожилой грузин проводил меня в столовую, там Василий представил меня присутствовавшим (кем они приходились полковнику, я не понял) и предложил посмотреть кино.

Все — примерно 7—8 человек — пошли в длинный узкий коридор, в середине которого стояли в два ряда стулья. Я сел на стул справа. Василий устроился где-то сзади. Экран был небольшой.

Кто-то принёс небольшую корзиночку с бутербродами. Мне

Я смотрел, как скачут на конях, как удирают, догоняют, стреляют, убивают, но понять толком ничего не мог: не знал английского, да и внимание было рассеянным, так как все мысли были устремлены к бутербродам. Выбрав момент потемнее, я протянул руку к корзиночке и подцепил несколько бутербродов. Но тут включили свет — оборвалась лента.

По-моему, Василий заметил моё смущение и крикнул:

— Чего ты смущаешься?

Теперь я уже смело опробовал бутерброды всех видов и стал всматриваться в действие на экране.

Киноаппарат был передвижной, поэтому при смене частей киноленты включали свет. Шла седьмая или восьмая часть. Все зрители сидели понуро, только один хозяин был весел и иногда что-то одобрительно выкрикивал. Меня начало клонить ко сну, а конца киноленты не видно. На-

фронт. Есть я тоже не стал: был почти сыт бутербродами. Так закончилась моя ночная трапеза в доме, который предназначался для семьи И. В. Сталина.

Позднее было немало деловых встреч, на которых обсуждались различные вопросы: и о повышении качества подготовки лётчиков в пределах отпущенного лимита горючего, и об аварийности в бригаде, и о причинах отказов материальной части самолётов Ил-2, которых в то время было немало. В. Сталина интересовала связь бригады с заводами, с местными партийными органами (помогают ли они, например, в подготовке аэродромов к весне) и многое другое.

Надо отдать должное, полковник Сталин не только выслушивал наши доклады и жалобы, но и активно помогал решать отдельные сложные вопросы.

Я всё более убеждался, что из Василия Сталина, несмотря на его сумбурное поведение, получился бы неплохой командир, если бы он проходил по служебной лестнице нормально, а не прыгал так, как он прыгнул от майора до полковника, минуя ступень подполковника, и от рядового, по существу, лётчика сразу до главного инспектора Военно-воздушных сил Красной армии. На эту должность назначались лица с огромным командным опытом, прошедшие все этапы авиационной иерархии, способные не только объективно, глубоко анализировать положение в проверяемых организациях, но и делать выводы, выдвигать предложения, которые подняли бы ВВС на ещё более

УЖЕ после войны, в августе 1946 года я снова встретился с Василием Сталиным, но не на деловой основе, а на спортивной. И опять столкновение, конфликт. И произошло это столкновение на... футбольном поле в Германии

конец я не выдержал и попросил Васю, как мы его звали, прокрутить ленту через часть. Похоже, и ему надоела эта однотонная кинокартина, и он крикнул киномеханику:

— Давай через одну, но две последние крути подряд.

Так закончился этот своеобразный сеанс. Все перешли в столовую, где был накрыт стол — на мой взгляд, довольно скромно.

Василий спросил меня, что я буду пить. Я отказался от вина, так как мне предстояло ехать на аэродром для отправки полка на

высокий уровень. У полковника В. Сталина таких данных не было. Но это не его вина.

Впоследствии Василий дважды предлагал мне пойти к нему в помощники. Первый раз он предложил мне должность начальника штаба Инспекции ВВС КА, которую он возглавлял, а второй раз, уже после войны — в 1948 году, когда я оканчивал Военную академию имени К. Е. Ворошилова. Он предназначал для меня должность первого заместителя команду-

ющего ВВС Московского военного округа. Командующим был он сам. И оба раза я решительно отказался от этих заманчивых предложений.

На вопрос В. Сталина, уже генерала, о причине моего отказа я честно ответил:

— Наши характеры несовместимы. Я не смогу плясать под твою дудку, а это значит, что ты в конечном счёте выгонишь меня, и моя военная карьера будет исковеркана.

Не столько личный эгоизм, сколько интересы дела заставили меня отказаться от работы с генералом Сталиным.

Вот ещё вспоминается одна встреча. Это было зимой, кажется, в январе 1943 года. Мне предстояло лететь в Москву. Накануне вылета позвонили по «кремлёвке» из квартиры Сталина (звонивший не представился):

— Алексей Ильич, нам стало известно, что вы завтра летите в Москву.

— Да, — отвечаю.

— Мы просим вас взять Светлану на самолёт.

— Будет ли ей удобно лететь на грузовом Ли-2, да ещё в кабине, которая не отапливается? — теперь уже я задал вопрос.

— Ничего, об этом не беспокойтесь.

— Тогда жду её к 8.30 на центральном аэродроме.

Светлану Сталину я видел однажды вечером, да и то мельком. Слышал, что у нее рыжие волосы, а передо мной стоит темноволосая девушка. Странно! Взяло сомнение: она ли?

Летим. В самолёте холодно. Я спросил у бортмеханика, нет ли запасного комплекта лётной одежды. Нашлись унты, американская меховая обзесьянка куртка и такие же брюки. Унты и куртку она надела, от брюк отказалась. Согрешившись, стала разговорчивой. Много рассказывала о Ворошилове и других высокопоставленных лицах.

Её осведомлённость окончательно убедила меня в том, что с нами летит настоящая Светлана. Но когда прилетели в Москву, её никто не встречал. Это меня обескуражило: как же так? Неужели не сообщили о вылете Светланы тому, кому следовало?

Василий Сталин был в это время в Москве, и я по «кремлёвке» из диспетчерского пункта позвонил ему. На звонок отозвался он сам.

— Я — Подольский.

— А, Подольский, здорово!

— Здравствуй, Василий. Я привёз твою сестру. Она находится на центральном аэродроме. Никто...

— Какую сестру? — прервал меня Сталин.

— Как какую? Твою, Светлану.

— Подожди, откуда ты её привёз?

— Из Куйбышева.

— Как она там оказалась? Утром пошла в школу здесь, в Москве, сейчас, наверное, уроки дома делает.

— Как же она могла оказаться в Москве, — уже я удивляюсь, — если я привёз её? Вчера мне позвонили из вашего дома и просили отвезти Светлану в Москву.

Василий, пробормотав что-то, говорит:

— Подольский, либо ты с ума сошёл, либо я спятил.

— Кто из нас спятил, не знаю, но Светлана ждёт встречи на аэродроме. Ей даже доехать не на что. Она попросила у меня три рубля на дорогу.

— Подожди, я позвоню домой.

Через короткое время зазвонила «кремлёвка».

ордена Суворова II степени дивизии, которая прошла славный путь от Сталинграда до Берлина. Четыре полка этой дивизии формировались и переучивались в нашей, первой КЗАБ, по 2—3 раза вновь пополнялись подготовленными в бригаде лётчиками. Только с 1943 года они стали пополняться лётным составом на фронтах, без отвода их в Куйбышев. Все гвардейские полки имели собственные наименования, и каждый — по два ордена.

Я гордился тем, что был назначен командиром этой прославленной дивизии (потому так много написал о ней). Откровенно говоря, когда ехал в дивизию, немного опасался: как то там воспримут моё назначение? Но мои опасения оказались напрасными. Почти все хорошо меня знали по работе в бригаде, многие служили под моим руководством. Вот только лётный состав был несколько встревожен: знали по бригаде — больно строг (такая молва шла обо мне).

Так вот, в этой дивизии была сформирована сильная фут-

НАЧАЛЬНИК физподготовки корпуса Сталина улетел ни с чем. Началась тяжба. Из армии мне посоветовали не связываться с Василием Сталиным, но я пренебрег советом (это же не приказ!), поэтому футболистов не отдал

— Подольский, — снял я трубку и слышу дикий хохот Василия. Что бы это значило? Что с ним произошло?

Наконец сквозь смех Василий с трудом проговорил:

— Верно, ты привёз Светлану, но не мою сестру, а её подругу, которую тоже зовут Светланой.

Вот так номер, думаю. А Василий кричит:

— Сейчас за ней Светлана приедет.

Через некоторое время приехала Светлана Сталина, действительно рыжеволосая, и забрала свою подругу. Я же так и не понял: если ждали, почему не встретили?

Уже после войны, в августе 1946 года, я снова встретился с Василием Сталиным, но не на деловой основе, а на спортивной. И опять столкновение, конфликт. И произошло это столкновение на... футбольном поле в Германии.

Теперь я командир 2-й гвардейской штурмовой авиационной Черниговско-Речицкой ордена Ленина, Краснознамённой,

большая команда. За время своего командования мне удалось ещё более укрепить её хорошими игроками, правда, удалёнными из классных команд за различные, мягко говоря, проступки (за мелкие не удаляют). Приняли мы их в команду с условием — вести себя, как подобает гвардейцам.

Наша футбольная команда сражалась с командами генералов Бабаджаняна, Катукова, полковника Склюрова, Героя Советского Союза, — и все встречи заканчивались победой нашей команды. Словом, футбольная команда 2-й ГШАД прославилась в Группе советских оккупационных войск в Германии. Слава о ней, видимо, дошла до генерал-майора авиации В. Сталина, командира истребительного корпуса.

...Дежурный по связи принёс мне довольно странную телеграмму: «Иду на Вы. В. Сталин».

Думаю, как это понимать? То, что это рыцарский вызов на поединок, ясно. Но каков характер поединка — ответа пока не было.

Я пригласил к себе начальника физподготовки дивизии и спросил:

— Вы знаете все команды в группе войск?

— Не все, конечно, но основные знаю. А что, сражение с ними предстоит?

— Нет, сражения пока не предвидится. Вот прочтите и прокомментируйте эту телеграмму.

Начфиз, прочитав, усмехнулся.

— Что смеетесь? Что-то знаете?

— Нет, я ничего не знаю, но предполагаю. Генерал Сталин собирает в корпусе футбольную команду, вот и хочет посмотреть в игре нашу.

— Ну что ж, это хорошо!

— Нет, плохо, — сказал начальник физподготовки. — Если вы согласитесь на игру, прощай, команда.

— Как это «прощай, команда»? — недоумеваю.

— А вот как. Он посмотрит наших игроков и заберёт в свою команду лучших (начфиз назвал фамилии). А без них нет команды...

— А мы не отдадим. Что же, по вашему, отказываться? Нас сочтут трусами. Отказ от поединка равносителен поражению без боя.

— А я бы отказался, — настаивал на своём наш «главный физкультурник».

— Вот что, собирайте команду (назвал день и час), я сам с ними поговорю.

Присутствовавшие при этом разговоре мои помощники сидели молча, но в глазах начальника политотдела я прочитал не то упрёк, не то удивление: нашёл, мол, наш генерал, над чем голову ломать, других дел ему мало...

Недолго размышляя, я подписал телеграмму: «Вызов принимаю. Где и когда? Подольский» и передал дежурному по связи для отправки по назначению.

Незамедлительно получил ответ: «Потсдам, стадион, тогда-то (число не помню)».

Значит, действительно футбол. Собрали футбольную команду, и я сообщил о предстоящей встрече. Разумеется, предупредил наших спортсменов, чтобы они не посрамили гвардейской чести и чтобы мяч во что бы то ни стало летел в ворота противника, а не в наши.

Футболисты пообещали биться так, что мяч будет забит в ворота противника, и не один раз. Пошептавшись с членами команды, капитан обратился ко мне с двумя просьбами. Первая:

отправить на стадион вместе с ними 150—200 представителей дивизии. Капитан пояснил:

— Нужны «крикуны» для поднятия духа наших футболистов.

Они предвидели, что на стадионе будут болеть за команду В. Сталина, а не за команду Подольского, которую ещё мало знают.

— Просьба резонная, — согласился я. — А в чём состоит вторая?

Несколько смущённо капитан произнес:

— Подкормить бы маленько...

— И это можно. Прикажу кабана подстрелить, сделают колбасу и прочие деликатесы. Немцы умеют это делать.

Как я и обещал, все организационные и хозяйственные вопросы были решены. В назначенный день начальник отдела физподготовки доложил:

— Люди собраны.

— Товарищи, — обратился я к тем, кто ехал поддерживать спортсменов нашей дивизии, — вам предстоит поездка на стадион. Там будет проходить встреча наших футболистов с футбольной командой генерала Василия Сталина. Вы как патриоты своей команды должны подбадривать футболистов, поднимать их боевой дух. Но вас не очень много — капля в море, — поэтому я прошу, чтобы каждый из вас кричал за десятерых.

В строю раздались смех, чей-то голос:

— Постараемся, товарищ генерал.

...Стадион. Трибуны почти полностью заполнены. Меня проводили на особую трибуну, чуть ли не правительственную. Генерал Сталин уже здесь. Встретил весёлым возгласом:

— А, прибыл, князь! Здорово!

Затем представил меня присутствовавшим. Мы сели рядом.

Я стал осматриваться, искать своих «крикунов», затерявшихся в огромном людском море. Наконец заметил плотную группу в углу, слева от нашей трибуны.

И вот началась игра. Стало тревожно, когда футболисты собрались у наших ворот: вот-вот забьют гол. И действительно — мяч в наших воротах. Досадно, но факт. Василий подскочил, как мальчишка.

Стадион рукоплещет, шумит, а «крикуны» мои пока молчат. Молчу и я. И вдруг в углу, слева от нашей трибуны, раздался взрыв ободряющих возгласов! Среди шума слышу: «Алёха, давай гони!» (Алёха — это главный нападающий нашей команды).

Игра переместилась к воротам команды В. Сталина. Он напряжён, молчит теперь. И вдруг мяч с дальней дистанции влетает в ворота противника, словно снаряд. В углу крик, да какой! Пилотки полетели в воздух. Молодец, Алёха!

Теперь я толкнул Василия локтем в бок: мол, знай и наших, не то ещё будет!

Вслед за первым второй мяч влетел в ворота футболистов команды Сталина. Я ещё раз толкнул в бок соседа и взглянул уголком глаза на него. Вижу — злится. Решил больше не толкать: от греха подальше. За вторым голом — третий. Игра окончилась со счётом 5 : 2 в нашу пользу.

Почти взбешённый ушёл Василий со стадиона, забыв попроситься. Я поблагодарил футболистов за хорошую игру, а «крикунов» — за энтузиазм и громкую поддержку команды. Все вернулись в Гроссенхайн.

Через некоторое время генерал Сталин прислал к нам в дивизию на лёгком немецком транспортном самолёте «Зибель» своего начальника физподготовки с запиской. В ней содержался приказ: «...таких-то игроков (указаны фамилии) вышли самолётом в корпус для усиления корпусной команды, которой предстоит играть с футбольной командой группы войск».

Естественно, были названы лучшие игроки команды. Я понял, что если отдам, команда развалится: генерал не вернёт наших футболистов.

Начальник физподготовки корпуса Сталина улетел ни с чем. Началась тяжба. Из армии мне посоветовали не связываться с Василием Сталиным, но я пренебрег советом (это же не приказ!), поэтому футболистов не отдал.

...Уже в марте 1947 года, будучи слушателем Военной академии имени К.Е. Ворошилова, я встретил около стадиона «Динамо» наших футболистов.

— А вы почему здесь? — воскликнул я.

Они рассказали:

— Как только вы уехали из дивизии, нас сразу же откомандировали в корпусную команду. Сейчас в Москве создаётся футбольная команда ВВС Красной армии, и шефом её будет генерал Сталин. Мы кандидаты в эту команду.

— Ну что ж, это хорошо, — сказал я и пожелал им успеха. И Василию Сталину тоже...

Публикация А.К. ПОДОЛЬСКОЙ